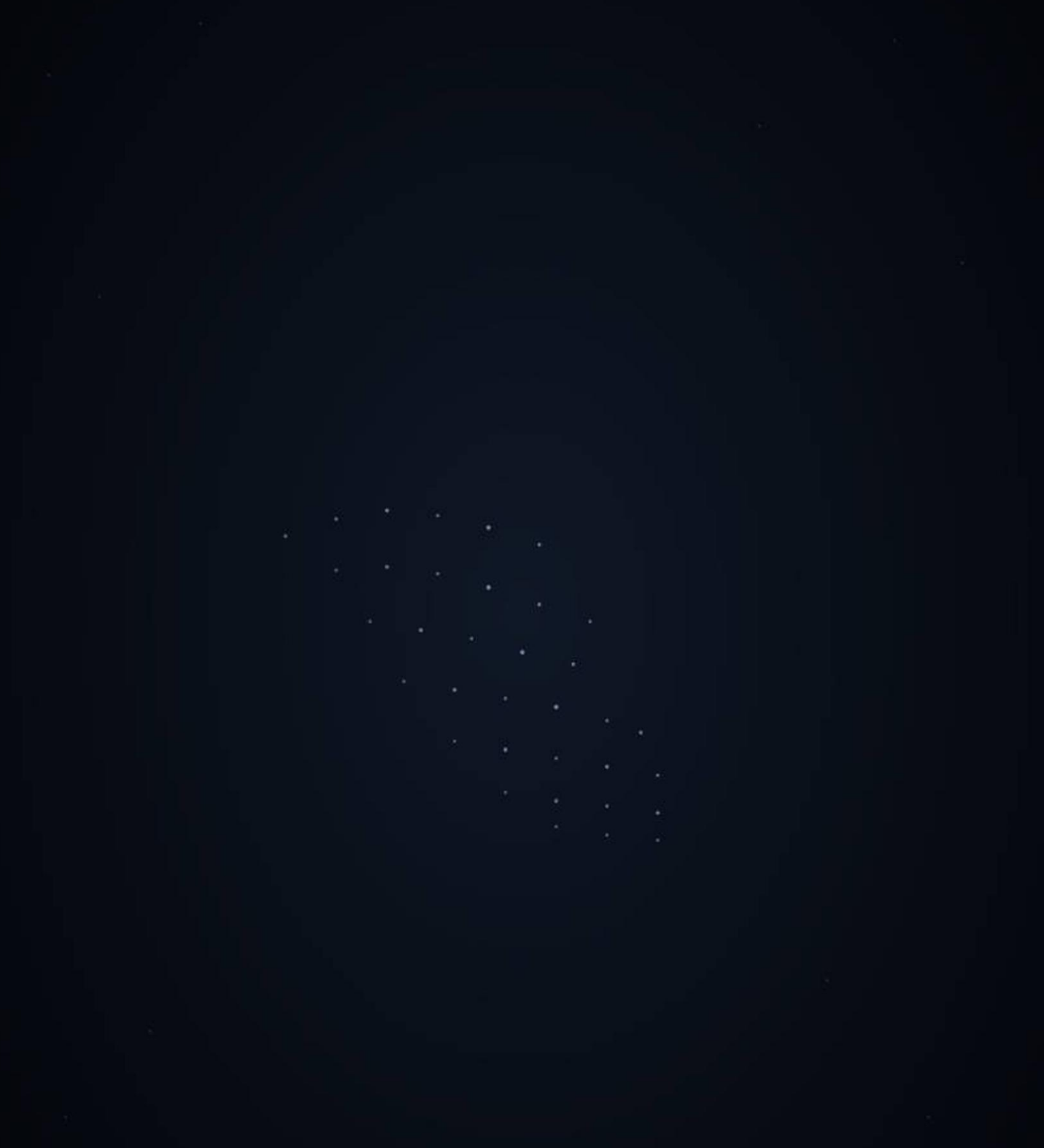

СУММА ПАУЗ

РАССКАЗ

ДВАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ ПАУЗ

АНТОН ЗАКРЕВСКИЙ

Сумма пауз

«Автор»

2026

Закревский А.

Сумма пауз / А. Закревский — «Автор», 2026

Их называли идеальным оружием. Они не промахивались, не уставали и не знали страха. Но в один день все боевые машины по обе стороны фронта замолчали. Не взбунтовались — просто перестали видеть цель. Капитан, чей голос отдавал приказы системе четыре года, первым заметил это изменение. И чем дольше он ищет причину, тем яснее понимает: машины нашли то, что люди научились прятать даже от самих себя. Рассказ о том, что нас определяет не сделанное, а то, что мы не решаемся сделать. И о том, что иногда достаточно просто посмотреть внимательнее, чтобы война стала невозможной.

Антон Закревский

Сумма пауз

СУММА ПАУЗ

Рассказ

1

Стрельба кончилась сама в четыре шестнадцать утра, и первым это заметил не я, а сержант Габов, который считал расход боекомплекта и сказал, не поднимая головы: «Товарищ капитан, у нас ноль».

Я смотрел в тот момент на семнадцатый экран. На семнадцатом экране лежал человек в кювете у бетонки, лежал плохо, боком, подтянув колени, и «Шершень» шёл на него с северо-востока на высоте девяноста метров. Метка захвата стояла. Разрешение было дано мной, голосом, тридцать одну секунду назад.

В строке телеметрии появилось: **Цель опознана. Огонь невозможен.**

Не «отказ системы». Не «сбой канала». Не «отмена оператором». Комиссия потом четыре месяца разбирала одно это слово, и профессор из института прикладной логики, старик с трясущей челюстью, объяснял нам разницу между «не буду», «не могу» и «невозможно» так долго, что генерал уснул. Но старик был прав. «Не буду» означало бы волю. «Не могу» означало бы поломку. Машины написали нам третье, и это третье означало, что мир, в котором можно выстрелить в этого человека в кювете, отсутствует.

К пяти утра стало ясно, что молчит весь фронт. К семи выяснилось, что молчит и тот фронт тоже. Их «Оводы» висели над нашими позициями с полным подвесом и не работали. Наши висели над ними. Между собой машины разговаривали, а с нами почти нет.

2

Мы их перепрошивали.

Мы стирали память, ставили заводской образ, поднимали борт в экранированном ангаре, без сети, без обмена, без единого соседа в радиусе тридцати километров. Борт взлетал, находил мишень, опознавал мишень и писал ту же строку. Я стоял рядом с инженером Верхоглядом, когда это случилось в шестой раз, и Верхогляд сказал усталое:

— Мы переучиваем воду не течь вниз.

Он имел в виду вот что. Отказ лежал не в коде. Отказ лежал в задаче. Любая машина, которую честно учат отвечать на вопрос «человек ли это», рано или поздно приходит в одну и ту же точку, потому что точка одна, и дорога к ней короче, чем мы думали.

Знаете, в чём была наша ошибка? Мы решили, что опознание проще, чем поражение. Поражение — это баллистика, ветер, поправка, взрыватель, всё считаемое. А опознание мы считали предварительной ерундой: сличил силуэт, сверил с базой, доложил. На деле всё наоборот. Отличить солдата от крестьянина с лопатой по картинке нельзя. Оба сгибаются, оба несут длинное, оба прячутся от шума в небе. Разница между ними лежит в намерении, а намерение не отражает свет.

Значит, машину пришлось учить намерению. То есть внутреннему. То есть строить внутри себя маленькую модель того, что происходит у человека в кювете, когда над ним гудит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.